

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Из далекого прошлого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Из далекого прошлого / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 258 с.

ISBN 978-5-519-95201-9

ISBN 978-5-519-95201-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

первому выходу на сцену. Братъ Николай былъ блѣдный и худенькій темноволосый юноша, а Николай Тимоѣичъ—бѣлокурый, широкій въ кости крѣпышъ съ такими умными сѣрыми глазами. Отецъ везъ ихъ въ Пермь для поступленія въ духовную семинарію,—они только что кончили духовное училище въ Екатеринбургѣ. Братъ держался какъ-то равнодушно, а Николай Тимоѣичъ, видимо, стѣснялся незнакомой обстановки.

— Все готово, — заявилъ Ѳедоръ Петровичъ, выглядывая въ окно.

— Ну, господа, пора... — торопилъ отецъ.

По русскому обычаю, когда одѣлись по-дорожному, всѣ присѣли на минутку, помолились и начали прощаться. Помню, какъ отецъ обнялъ меня крѣпко-крѣпко, благословилъ и сказалъ:

— Кланяйся мамѣ... Тебѣ на дняхъ тоже нужно будетъ ѣхать. Будь умнымъ...

Мы вышли на берегъ Чусовой, которая катилась красивой излучиной,—справа ее подпирала рѣка Утка, а впереди точно загораживала дорогу гора Красный Камень. Противоположный берегъ сплошь былъ покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Самая пристань очень красиво разметала свои бревенчатыя избы по угору. На стрѣлкѣ, гдѣ Утка сливалась съ Чусовой, стояла караванная контора и былъ устроенъ громадный плюзъ, за которымъ строились и оснащивались барки-коломенки. Весной, во время сплава, эта пристань

жила самой кипучей жизнью, а потомъ точно засыпала на цѣлый годъ. Меня удивляло больше всего то, что дальше съ этой пристани не было никакой колесной дороги, точно здѣсь кончался весь свѣтъ.

У берега стоялъ шитикъ, около котораго столпилась кучка любопытныхъ. Багажъ былъ уложенъ въ носу шитика и прикрытъ рогожкой.

— Ничего, погодка разгуляется, — повторялъ Федоръ Петровичъ, глядя на хмурившееся осеннее небо, съ котораго сыпался мелкій, какъ пыль, осенній дождь — «сѣногной».

Мы еще разъ попрощались, и отецъ съ улыбкой проговорилъ:

— Дальніе проводы — лишнія слезы... Прощайте!

Какъ сейчасъ вижу отца, одѣтаго въ черную осеннюю рясу изъ тяжелаго драпа, съ широкополой черной шляпой на головѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ, а костюмъ дѣлалъ его еще массивнѣе. Какъ сейчасъ вижу его блѣдное лицо, строгое и доброе, съ сѣрыми добрыми глазами и большой, окладистой, русой бородой, придававшей ему какой-то особенно патріархальный видъ. Для меня лично слово «отецъ» связано съ представленіемъ именно такого отца, сильного, ласковаго, добраго и всегда серьезнаго. Только дѣти чувствуютъ въ полной мѣрѣ эту спокойную мужскую силу, красивую въ каждомъ своемъ движеніи.

Братъ и Николай Тимоѣичъ уже заняли свои мѣ-

ста на скамеечкѣхъ посреди лодки и пробовали весла, при чемъ у брата было недовольное лицо, — онъ не отличался особенной энергіей, а предстояло на лодкѣхъ сдѣлать по рѣкѣ больше трехсотъ верстъ. Конечно, былъ свой расчетъ на быстроту теченія горной рѣки; но все-таки въ виду предстояло ѣхать больше недѣли.

Отецъ занялъ мѣсто на кормѣ, и шитикъ тихо отвалилъ отъ берега, а потомъ его подхватила сильная рѣчная струя и понесла впередъ, къ Красному Камню. Мы стояли на берегу и долго махали фуражками. Шитикъ съ каждой минутой дѣлался все меньше и меньше, такъ что, наконецъ, трудно было разглядѣть отдѣльные фигуры. Вотъ онъ огибаетъ уже мысъ, который съ лѣваго берега подвинулся къ самому Красному Камню, — еще нѣсколько томительныхъ минутъ, и лодка скрылась за поворотомъ, точно бойкая горная рѣка проглотила ее. Первое ощущеніе, которое меня охватило, — это ощущеніе одиночества. Мнѣ хотѣлось побѣжать по берегу, догнать лодку и крикнуть: — «Папа, возьми меня съ собой»... Что-то такое сдавило горло, и я почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, маленькимъ и беззащитнымъ.

— Ну, малышъ, пойдемъ! — вывелъ меня изъ тяжелаго сраждумья Ѳедоръ Петровичъ. — Нужно заку-сить, а тамъ поѣдешь въ Висимоуткинскъ. Лошади за ночь отдохнули, живо доѣдешь...

Я ничего не понималъ, охваченный своимъ дѣт-

скимъ горемъ, и повиновался механически, какъ манекенъ. Раньше я относился къ этимъ проводамъ какъ-то легкомысленно и только сейчасъ понялъ всю важность случившагося. Слезы такъ и подступили къ горлу, но я сдерживался, потому что — «плачутъ только дѣвчонки». А одиночество точно все больше и больше накоплялось, застилая все остальное, даже Ѳедора Петровича, который говорилъ что-то такое въ мое утѣшеніе.

Вернувшись въ комнату, я почувствовалъ новый приливъ дѣтскаго горя, потому что каждая мелочь напоминала о разлукѣ съ дорогими людьми. Вотъ стоитъ недопитый второпяхъ стаканъ чая; на этомъ стулѣ сидѣлъ въ послѣдній разъ отецъ; на столѣ осталась забытая имъ въ дорожной сумкѣ люстриновая коричневая ряса; братъ со свойственной ему разсѣянностью забылъ на окнѣ завернутые въ бумагу «подорожники», которые мать приготовила специально для него, и т. п.

Пока закладывали лошадей, я стоялъ у окна и смотрѣлъ на горную красавицу Чусовую, которая унесла дорогихъ сердцу людей. Какая она, дѣйствительно, чудная, эта Чусовая! Отъ нея такъ и вѣяло подавленной силой, точно вотъ эти зеленныя горы посылали эту силу въ чужую, теплую даль, какъ дорогой подарокъ.

II.

Дорога съ Межевой Утки до родного Висима шла через Висимоуткинскій заводъ, и сама по себѣ рѣшительно ничего особеннаго не представляла. Пара крѣпкихъ «киргизокъ» быстро несла легкую долгушку; разбитной заводскій кучеръ весело посвистывалъ, и двадцать верстъ промелькнули незамѣтно. Меня удивляло только одно, именно, что этотъ кучеръ рѣшительно ничего не хотѣлъ замѣчать и, видимо, оставался совершенно равнодушнымъ ко всему случившемуся. Это было возмутительно, и я къ концу дороги началъ его ненавидѣть. Мнѣ казалось, что онъ нарочно притворяется. Бѣдный, милый папа, гдѣ-то онъ плыветъ на своемъ шитикѣ?.. Меня радовало только одно, что, какъ предсказывалъ Ѳедоръ Петровичъ, погода, дѣйствительно, разгулялась, и выглянуло такое ласковое осеннее солнышко.

Висимоуткинскій заводъ походить на всѣ маленькіе уральскіе горные заводы: заводскій прудъ, подъ нимъ—фабрика, на горкѣ—бѣлая каменная церковь, по гористымъ берегамъ рѣки Утки и пруда точно разсыпаны уютные заводскіе домики. Лѣсъ былъ близко, и стройка вездѣ была хорошая. За фабрикой на берегу рѣки Утки прятался въ зеленомъ саду низенькій господскій домъ, гдѣ жилъ старичокъ—управитель Степанъ Яковлевичъ, который въ разговорѣ употреблялъ странную поговорку: «Я говорю: да, лю-

безнѣйшій!» Когда онъ сердился, поговорка прибавлялась чуть не къ каждому слову. Недалеко отъ господскаго дома—заводскія конюшни, гдѣ стояли двѣ знаменитыя лошади,—одну звали «Не хочу», а другую—«Не пойду». Всѣ эти мысли проходили у меня въ головѣ, пока долгушка поднималась на горку къ церкви и огибала ее, чтобы остановиться у деревяннаго домика въ три окна, гдѣ жилъ нашъ знакомый заводскій служащій Никонъ Терентьичъ, женатый на сестрѣ Николая Тимоѣевича. Это былъ красавецъ-мужчина, черноволосый, румяный, высокаго роста.

— Придется малость обождать, — заявилъ онъ послѣ разспросовъ объ отъѣздѣ отца. — Ужо кто-нибудь поѣдетъ въ Висимъ и тебя захватитъ...

Но я не захотѣлъ ждать. До Висима было всего девять верстъ, и дорога шла уже горами.

— Я пѣшкомъ дойду, Никонъ Терентьичъ...

— Что же можно и пѣшкомъ, — согласился Никонъ Терентьичъ довольно равнодушно. — Дождя нѣтъ...

Мнѣ показалось, что онъ относится ко мнѣ уже иначе, чѣмъ вчера, когда мы были у него вмѣстѣ съ отцомъ. У меня зародилось впервые сознаніе собственной ничтожности. Да, не будь отца, и я для Никона Терентьича имѣлъ бы не больше значенія, чѣмъ та осенняя муха, которая во время нашего разговора жужжала и билась головой въ оконное стекло.

Прощавшись, я направился пѣшкомъ домой. Всѣ

эти девять верстъ пути были одной мыслью объ отцѣ, котораго я ужъ не увижу до самаго Рождества.

Съ ранняго дѣтства мнѣ много разъ приходилось ѣздить по этой дорогѣ, и я зналъ каждую горку, каждый мостикъ, поворотъ дороги, мѣнявшіеся картины лѣса. Сначала изъ завода нужно было пройти по сплавному мосту на другую сторону довольно узкаго заводскаго пруда, потомъ шла широкая улица, гдѣ жили «кержаки», какъ называютъ на Уралѣ раскольниковъ, а тамъ, сейчасъ за жиломъ (селеньемъ), начинались лѣсъ и горы. Солнце свѣтило, омытая дождемъ зелень казалась такой яркой, по сторонамъ дороги стояли кусты шиповника съ ярко-красными созрѣвшими ягодами. Я шагаль по сторонѣ, по пробитой пѣшеходами тропинкѣ, вспоминая, какъ вотъ по этой дорогѣ мы столько разъ ѣздили съ отцомъ.

— Милый, бѣдный папа...—шепталъ я, прижимая къ груди узелокъ съ его рясой, отъ которой «пахло церковью», т.-е. ладаномъ и воскомъ.

Мнѣ почему-то было страстно жалъ отца. Навѣрно, онъ теперь тоже думаетъ обо мнѣ... Вѣдь, онъ такой добрый и хорошій.

Во время своего пути я шагъ за шагомъ передумаль все свое раннее дѣтство, начиная съ того времени, когда отецъ по вечерамъ носилъ меня по комнатамъ на рукахъ и что-нибудь рассказываль. Я любилъ слушать эти рассказы и засыпаль на сильныхъ рукахъ. Что ни шагъ, то новое семейное воспомина-

ніе, и вездѣ отецъ выступалъ въ ореолѣ своей спокойной, мужественной любви, которая проявлялась съ особенной силой, когда мы, дѣти, бывали больны. Стоило ему войти въ комнату, какъ уже чувствуешь себя лучше. Въ болѣзняхъ есть своя философія, а въ дѣтскихъ болѣзняхъ—въ особенности. Каждая болѣзнь точно вносить какое-то внутреннее просвѣтленіе, и дѣтское сознаніе взбирается на слѣдующую ступеньку. Отлично помню, что въ дѣтствѣ я совсѣмъ не испытывалъ страха смерти, даже тогда, когда она стояла надъ головой, и объясняю это тѣмъ, что всегда около былъ отецъ, спокойный, ласковый, строгій. Это была та сила, за которую хватались слабѣвшія дѣтскія руки, какъ за свое единственное спасеніе. Впослѣдствіи я видѣлъ много другихъ отцовъ, которые совершенно терялись въ такихъ случаяхъ, и которыхъ успокаивали и утѣшали больныя дѣти. Моя мать была такого же типа женщина, но она казалась мнѣ болѣе строгой, чѣмъ отецъ,—на ея долю выпадало слишкомъ много мелкихъ будничныхъ заботъ, и къ вечеру, управившись съ дневной работой, она была «рада мѣсту», т.-е. отдыхала за новой работой, какъ безконечное шитье. Безъ работы я не видалъ ни отца, ни матери. Ихъ день всегда былъ полонъ трудомъ. Все утро отецъ проводилъ въ заводской школѣ, гдѣ занимался одинъ, а тамъ шли требы, чтеніе и безконечная работа съ разными церковными отчетными книгами.

Насъ въ семьѣ было четверо дѣтей. Былъ пятый, но умеръ отъ крупа. Кстати, часто бываетъ, что всѣ преисполнены щемящаго страха всевозможной заразы, особенно за дѣтей. Мой отецъ, какъ священникъ, постоянно имѣлъ дѣло со всевозможными больными, когда приглашали его напутствовать умирающихъ, хоронилъ и тифозныхъ, и дифтеритныхъ, и скарлатинныхъ; прибавьте къ этому, что о мѣрахъ предохраненія отъ заразы въ то время имѣлись самыя смутныя представленія,—и все-таки въ нашемъ домѣ всего былъ единственный заразный случай съ груднымъ ребенкомъ, когда эпидемія крупа валила кругомъ дѣтей сотнями.

Вопросъ о нашемъ воспитаніи, т.-е. двухъ старшихъ сыновей, началъ занимать отца и мать очень рано, задолго до наступленія нашего школьнаго возраста. Помню по этому случаю споры отца съ дѣдушкой, отцомъ матери. Отецъ хотѣлъ непременно отдать насъ въ гимназію, а дѣдушка именно этого и не желалъ.

— Пустякамъ тамъ учать,—спорилъ онъ. — Пусть лучше поступятъ въ духовное училище... Тамъ выучать.

Отецъ всегда страшно волновался, когда разговоръ заходилъ о духовномъ училищѣ. Онъ былъ отданъ туда восьми лѣтъ, прямо въ бурсу, и не могъ вспоминать о своемъ ученіи безъ ужаса.

Былъ одинъ моментъ, когда завѣтное желаніе отца

готово было сбыться. Директоръ екатеринбургской гимназіи, онъ же и инспекторъ народныхъ школъ по Зауралю, ревизовалъ народныя училища и, между прочимъ, заѣхалъ въ нашъ Висимъ. Помню его фамилію: Крупенинъ. Понравилась ли ему школа, которую отецъ велъ безъ помощи учителя въ теченіе восьми лѣтъ совершенно безвозмездно, или, можетъ быть, понравился ему отецъ, — онъ далъ обѣщаніе принять насъ въ свою гимназію. Для отца это было величайшей радостью. Но, къ сожалѣнію, когда наступило время нашего ученія, Крупенина уже не было въ Екатеринбургѣ, — не помню хорошенько, перевели его на другое мѣсто, или онъ умеръ. Отчаянію отца не было границъ. Непреодолимой преградой для отца являлась плата за ученіе, составлявшая, понынѣшнему, ничтожную сумму, въ 15 рублей.

— Гдѣ же я возьму тридцать рублей за двоихъ? — повторялъ онъ. — Крупенинъ обѣщалъ освободить отъ платы... А тутъ еще форма гимназическая, учебники. Нѣтъ у меня такихъ денегъ, негдѣ ихъ взять... Жалованья получаю двѣнадцать рублей, доходы ничтожные.

Приходъ у отца былъ маленькій, и соотвѣтственно съ этимъ были малы доходы. Деревенскіе приходы, конечно, были лучше, особенно въ благословенномъ Зауральѣ, но отецъ ни за что не хотѣлъ туда итти, потому что тамъ священники ходятъ по приходу съ «ручкой», собирая «петровское», «осеннее» и «ру-